Болтина пользовались в первые десятилетия после его издания; удивительно, конечно, то, что в своем составившем эпоху в изучении Русской Правды труде Н. Калачов приводит варианты из болтинского издания наравне с вариантами древних рукописей и что такой знаток Русской Правды в советское время, как Н. А. Максимейко, объясняет особые чтения в издании Болтина так же, как он объясняет варианты и особенности текстов XIII—XVI вв. Думается, что болтинский текст Русской Правды, ценнейший и еще недостаточно использованный для научной биографии Болтина материал, лишен всякого значения как пособие для установления текста Русской Правды.

В своих полемических сочинениях против «дерзского клеветника и сущего враля» Леклерка и против «сочинителя российской истории» Щербатова, в своих примечаниях к сочиненному Екатериной II «подражанию Шакеспиру» из жизни Рюрика и, наконец, в предисловии и в примечаниях к изданию Русской Правды Болтин имел возможность не раз коснуться вопросов происхождения Русской Правды, ее развития и, наконец, того общественного строя, который нашел в ней свое отражение.

Леклерк, низведший древнюю Россию на ступень варварской страны, а наряду с ним давняя, со времен Байера, варяжская теория вынуждали Болтина с его «национально-оборонительным мышлением», как сказал о нем В. О. Ключевский, к более детальной характеристике этногенеза и общественно-политического строя древней России.

Никто теперь всерьез не станет считаться как с научным фактом ни с устанавливаемой Болтиным классификацией племен, населявших территорию древней России, ни тем более, например, с восстанавливаемым им составом и даже словарем сарматского языка; все эти рассуждения не теряют, однако, для нас своего значения, как факты общественно-политической тенденции в исторических построениях Болтина.

Все пространство теперешней России, как полагает Болтин, «издревле» было занято разными племенами, объединяемыми «общим названием Сармат»; часть их двинулась к северу, и они «превратились в русских». В частности, в пределах Новгорода, где лежит начальный узел варяжского вопроса, руссы «многие веки» «жили прежде, нежель история наша начинается». Лишь под давлением венетов группа новгородских руссов «уклонилась» в сторону варягов, смешалась с ними и стала «варяго-руссами», что создало и сходство русского и варяжского языков.

В наличии этих «варяго-руссов» Болтин видит корень той ошибки, которую сделал Нестор, отожествив вообще варягов с руссами; так здесь в своей точке зрения на Нестора как основоположника варяжской теории Болтин предвосхищает позднейших исследователей.[5]

Славяне затем покорили сармат и заставили их говорить своим языком. Только Рюрик «от рода русского» привел положение к тому, что опять «русский народ стал бысть господствующим, а пришельцы славяне учинились подданными». Борьба этих двух элементов, когда после славянки Ольги славянский язык «в вящшем сделался употреблении между вельмож и людей почетных» и когда его значение было поддержано языком перевода богослужебных книг, кончилась тем, что, как формулирует это Болтин в своих любопытных примечаниях к исторической драме Екатерины, славяне в отношении природы превратились в руссов, а руссы в отношении языка стали славянами, утратив свой сарматский

---

[5] Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, изд. 2-е. СПб., 1793, стр. 70—71, 80—82.